Антологія русской поэзіи XX столѣтія

I

1920

Въ Чешской Прагѣ

АНТОЛОГІЯ РУССКОЙ ПОЭЗІИ XX СТОЛѢТІЯ.

I.

СОСТАВИЛА

Н. Ф. МЕЛЬНИКОВА-ПАПОУШКОВА.

ВЪ ЧЕШСКОЙ ПРАГѢ

ИЗДАТЕЛЬСТВО »НАША РѢЧЬ«

1920

Типографія „Политика“ въ Прагѣ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗІИ.

Всѣ поэты, произведенія которыхъ составляютъ данную антологію, если и не принадлежатъ сегодня къ одной школѣ, вышли однако изъ единаго источника; въ отличіе отъ болѣе молодыхъ, которые начинаютъ только выступать или еще мало написали, а главное питаются иными идеалами, ниже помѣщенные авторы носятъ названіе „старшихъ модернистовъ".

Родившись, всѣ безъ исключенія, въ прошломъ столѣтіи, они началомъ своей литературной дѣятельности попали въ сферу тяжелыхъ реакціонныхъ годовъ, царившихъ въ Россіи вплоть до японской войны, до первой революціи. Эта послѣдняя мрачная полоса угнетенія отличалась отъ прочихъ многочисленныхъ россійскихъ репрессій именно тѣмъ, что подавила не только внѣшнія проявленія свободы, а начинала уже тушить и тѣ внутренніе огоньки, которые пылали въ душахъ и умахъ русской интеллигенціи въ самыя черныя дореформенныя періоды. Писатели, поэты, художники, словомъ всѣ носители завѣтовъ народа почувствовали въ себѣ настолько глубокую усталость и апатію, что начали понемногу отказываться отъ общественной дѣятельности, отъ борьбы; прежнія стремленія стали замѣняться поклоненіемъ чистому искусству, исканіемъ неземной красоты; измученные буднями нервы жаждали сильныхъ ощущеній и ужасовъ или же покоя смерти. Такъ возникъ декадансъ, оказавшійся однако недолговременнымъ, благодаря своей несвойственности въ русской литературѣ. Однако нужно сказать, что всѣ старшіе русскіе писатели и поэты отдали ему должную дань.

Если мы возьмемъ лучшихъ двухъ поэтовъ: К. Бальмонта и В. Брюсова и посмотримъ, какъ они начинали писать, то увидимъ къ немалому удивленію, что первыя ихъ произведенія абсолютно не похожи на современное спокойное творчество. Первое, что бро-

сается въ глаза, это чрезмѣрная утрировка и изысканность рѣчи, а главное какая-то неискренность. Будучи по темпераменту холодными, такъ же, какъ Д. Мережковскій, они стараются насильно показать огонь и мнимое безразсудство, прибѣгая для этого къ искусственно составленной рѣчи. Внутреннее содержаніе, какъ у всякой упадочной, декадентской поэзіи, конечно не отличается богатствомъ, т. к. все вниманіе обращено на внѣшность. Однако въ такомъ состояніи сомнамбулизма, застоя, русская поэзія не могла долго удержаться; достаточно было перваго вѣянія свободы, малѣйшаго пробужденія общественныхъ интерессовъ, чтобы и творчество отвернулось отъ праздныхъ пѣсенъ, отъ абстрактнаго поклоненія одной красотѣ.

Еще не смолкли пушки на поляхъ Манчжуріи, не утихъ ропотъ возстаній, прокатившихся по всей странѣ, какъ прежніе служители чистаго искусства, поклонники красоты во всеуслышаніе сказали свое новое слово. Противники политики и общественности они вдругъ обратились къ гражданскимъ, чисто некрасовскимъ темамъ, (В. Брюсовъ-„Каменщикъ“) вмѣсто античныхъ міровъ, розъ и гетеръ начали воспѣвать нужду и прелесть грубой работы. Не ограничиваясь одной перемѣной настроеній въ поэзіи, бывшіе главари декадентскаго движенія, какъ-то: Д. Мережковскій, З. Гиппіусъ и иные издали манифестъ, въ которомъ категорически отказывались отъ прошлаго и звали всѣхъ собратій на честный и полезный трудъ для народа.

По какимъ бы путямъ теперь ни пошли эти бывалые эстеты и снобы, они уже никогда не могутъ остаться безотвѣтными на голосъ своей страны, на ея нужды и бѣды. Останавливаясь поочередно на каждомъ изъ поэтовъ, мы увидимъ, что онъ теперь или продолжаетъ старую традицію боевой русской литературы, или вноситъ нѣчто еще неизвѣстное, свойственное лишь нашему кипучему вѣку. Зададимъ себѣ вопросъ, что каждый изъ нихъ даетъ и постараемся отвѣтить на это въ нѣсколькихъ словахъ.

Вотъ К. Бальмонтъ, поэтъ типа Пушкина, преемникъ его лучшихъ завѣтовъ, то веселый и игривый, то грустный и медлительный, но съ вѣчно ясной и спокойной душой. Онъ пишетъ или поетъ, это мы затрудняемся сказать, потому что его огромный талантъ не можетъ молчать, но все, что носитъ его имя, принадлежитъ Россіи, для нея сотворено, изъ нея вышло.

Новый темпъ и еще мало извѣстную обстановку ввелъ В. Брюсовъ въ свою поэзію. Отъ историческихъ произведеній, полныхъ дальними странами, экзотическими ароматами, перешагнулъ онъ прямо на тротуаръ современнаго города, зашелъ въ кварталы бѣдноты, вывелъ ее на свѣтъ Божій. Это уже не некрасовскіе, а горьковскіе мотивы, проклятіе машинѣ, фабрикѣ, улицѣ, которыя высасываютъ силу изъ рабочаго, смываютъ румянецъ съ лица дѣвушки, гонятъ въ раннюю могилу ребенка.

Человѣчество, а съ нимъ и народы, никогда не останавливаются въ моемъ моральномъ бѣгѣ, все новые идеалы выростаютъ впереди, міръ дѣлается инымъ во взглядѣ приходящаго поколѣнія. Что есть основа вселенной, на чемъ держимся мы? Вотъ вопросъ, который вѣчно повторяетъ каждый пришлецъ на нашу планету. Гиппіусъ съ Мережковскимъ согласно отвѣтили — Христосъ. Извѣчную борьбу зла съ добромъ, мессіанское назначеніе русскаго народа, его религіозныя жизнь и ощущенія каждаго дня, вотъ что даютъ намъ послѣ эгоистическаго самолюбованія эти два оригинальные поэта. Полные еще вчерашней усталости, они опускаютъ иногда руки, но бодрая вѣра, приливъ свѣжихъ чувствъ толкаетъ ихъ снова, и снова на путь служенія роднѣ.

Наиболѣе единообразнымъ изъ всей этой группы быть можетъ является Θ. Сологубъ — любовникъ смерти. Онъ увидѣлъ однажды ея обликъ и все земное стало ему недоступнымъ, не интереснымъ. Все, что онъ пишетъ, овѣяно отрицаніемъ и какъ будто бы полно старой отвлеченности. Если же мы однако присмотримся ближе, то увидимъ, что этотъ сатанистъ перешелъ на новый путь, а именно въ сферу его взгляда теперь попадаетъ только пошлое, которое онъ осмѣиваетъ, только грязное, что онъ топчетъ. Этотъ писатель является, какъ бы народнымъ фильтромъ, у котораго не ускользнетъ ни малѣйшая неправда, фальшивость или ложь. До тѣхъ поръ, пока въ мірѣ проливается хотя-бы одна капля крови, одна слезинка ребенка, онъ будетъ не принимать его, отвергать, какъ нѣчто нечистое.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ выше разобранныхъ авторовъ стоитъ А. Толстой. Онъ не былъ приверженцемъ декадентства въ томъ смыслѣ, какъ мы его взяли, но съ другой стороны полонъ декаданса цѣлаго, нѣкогда вліятельнаго, дворянскаго сословія. Обративъ взоры къ прошлому онъ опытной рукой выбираетъ изъ него прекрасное и отвратительное, разбираетъ, составляетъ живыя, обаятельныя картины. По тѣмъ, къ сожалѣнію весьма немногимъ произведеніямъ Толстого, которыя мы могли достать, читатели смогутъ составить себѣ хотя бы бѣглое представленіе о родѣ его творчества. Старина, будь-то офранцуженный 18 вѣкъ, или времена Ивана Грознаго, или расцвѣтъ усадебъ начала прошлаго столѣтія, всюду доминируетъ. Въ виртуозно исполненной внѣшней формѣ этотъ поэтъ даетъ иллюстрацію къ родной исторіи, не скупясь ни на черныя краски для отрицательныхъ сторонъ, ни на яркое золото и багрянецъ для изображенія народныхъ идеаловъ и подвиговъ.

Мы надѣемся, что нѣсколько словъ, сказанныхъ нами въ видѣ предисловія о старшей половинѣ русской поэзіи XX столѣтія, поможетъ лучше постигнуть общій духъ, собранныхъ въ этой книгѣ стиховъ. То же, что не договорено нами на этихъ сраницахъ дополнится тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произведутъ на читателя образцы творчества лучшихъ современныхъ русскихъ поэтовъ,

слагавшихъ въ стихъ думы, печали, идеалы, стоны и сны цѣлаго огромнаго, еще такъ мало извѣстнаго, но многообѣщающаго народа.

* * *

При составленіи данной Антологіи у насъ имѣлись слѣдующіе источники: В. Брюсовъ — Пути и перепутья 1—3 т. К-во Скоропіонъ. Москва 1908—9 г.; Антологія современной поэзіи Кіевъ 1909 г.; Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія подъ редакціей М. Гофмана, изданіе Вольфъ СПБ; Е. Штернъ — Современные русскіе лирики, изд. Попова СПБ 1913 г.; P. Selver — Современные русскіе поэты, Лондонъ 1917 г.

Н. Мельникова-Папоушкова.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ
1866 г.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И синій Кругозоръ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И выси горъ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть море,
И пышный цвѣтъ долинъ.
Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ,
Я властелинъ.
Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.
Я каждый мигъ исполненъ откровенья —
Всегда пою.
Мою мечту страданья пробудили,
Но я любимъ за то.
Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
А если день погасъ,
Я буду пѣть... Я буду пѣть о Солнцѣ
Въ предсмертный часъ!

САМОУТВЕРЖДЕНІЕ.

Я знаю, что Брама умнѣе, чѣмъ всѣ безконечно-имянные боги
Но Брама-Индіецъ, а я — Славянинъ. Совпадаютъ ли наши дороги?
О, Брама-Индіецъ, а я — Славянинъ, а я мексиканецъ жестокій,
Я — Эллинъ влюбленный, — я вольный Арабъ, я жадный, безумный, стоокій.
Я — жадный, и жить я хочу безъ конца, не могу я насытиться лаской,
Не разумъ люблю я, а сердце свое, я плѣненъ многозвучною сказкой,
Всѣ краски люблю я, и свѣтъ Бѣлизны не есть для меня завершенье.
Люблю я и самые темные сны, и алый цвѣтокъ преступленья,
Оранжевый, желтый и красный огонь мнѣ желаненъ, какъ взоръ темносиній,
Не знаю, что лучше: снѣга ли вершинъ или вихри надъ желтой пустыней,
И стебель зеленый съ душистымъ цвѣткомъ — прекрасенъ, прекрасна минута,
Не странно ли было бъ цвѣтку объявить, что онъ — только средство къ чему-то.
И если ты викинга счастья лишишь въ самомъ царствѣ Валгаллы рубиться,
Онъ скажетъ, что небо бѣднѣе земли, изъ Валгаллы онъ прочь удалится,
И если пѣвцу изъ славянской страны ты скажешь, что умъ есть мѣрило,
Со смѣхомъ онъ молвитъ, что сладко вино и пѣсни во славу ярила!

ФЕЯ ЗА ДѢЛОМЪ.

Къ феѣ въ замокъ собрались
Мошки и букашки,
Передъ этимъ напились
Капелекъ съ ромашки.
И давай жужжать, галдѣть,
Въ залѣ паутинной,
Точно выискали клѣть,
А не замокъ чинный.
Стали жаловаться всѣ,
Съ самаго начала,
Что ромашка имъ въ росѣ
Яду подмѣшала.
А потомъ на комара
Жаловалась муха,
Говоритъ, молъ, я стара,
Плакалась старуха.
Фея слушала ихъ вздоръ,
И сказала: Вѣрьте,
Мнѣ вашъ гамъ и этотъ соръ
Надоѣлъ до смерти.
И велѣла пауку, —
Ставъ съ воздушныхъ креселъ, —
Чтобы тотчасъ на суку
Сѣти онъ развѣсилъ.
И немедля сталъ паукъ
Вѣшать паутинки,
А она пошла на лугъ,
Провѣрять росинки.

РОДНАЯ КАРТИНА.

Стаи птицъ. Дороги лента.
Повалившійся плетень.
Съ отуманеннаго неба
Грустно смотритъ тусклый день.

Рядъ березъ, и видъ унылый
Придорожнаго столба.
Какъ подъ гнетомъ тяжкой скорби
Покачнулася изба.
Полусвѣтъ и полумракъ, —
И невольно рвешься въ даль,
И невольно давитъ душу
Безконечная печаль.

БОЛОТНЫЯ ЛИЛІИ.

Поблѣднѣвшіе, нѣжно стыдливые,
Распустились въ болотной глуши
Бѣлыхъ лилій цвѣты молчаливые,
И вкругъ нихъ шелестятъ камыши.
Бѣлыхъ лилій цвѣты серебристые
Вырастаютъ съ глубокаго дна,
Гдѣ не свѣтятъ лучи золотистые,
Гдѣ вода холодна и темна.
Проникаясь рѣшимостью твердою
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются съ пышностью гордою
Бѣлыхъ лилій нѣмые цвѣты.
Расцвѣтутъ и поблекнутъ безстрастные,
Далеко отъ владѣній людскихъ,
И распустятся снова, прекрасные, —
И никто не узнаетъ о нихъ.

БУДЕМЪ, КАКЪ СОЛНЦЕ.

Будемъ, какъ солнце! Забудемъ о томъ,
Кто насъ ведетъ по пути золотому,
Будемъ лишь помнить, что вѣчно къ иному,
Къ новому, къ сильному, къ доброму, къ злому,
Ярко стремимся мы въ снѣ золотомъ,
Будемъ молиться всегда неземному,
Въ нашемъ хотѣньи земномъ.

Будемъ, какъ солнце — всегда молодое,
Нѣжно ласкать огневые цвѣты,
Воздухъ прозрачный и все золотое;
Счастливъ ты? Будь же счастливѣе вдвое,
Будь воплощеньемъ внезапной мечты.
Только не медлить въ недвижномъ покоѣ,
Дальше еще до завѣтной черты,
Дальше, насъ манитъ число роковое
Въ вѣчность, гдѣ новые вспыхнутъ цвѣты.
Будемъ, какъ солнце: оно молодое.
Въ этомъ завѣтъ Красоты.

СНѢЖИНКА.

Свѣтло-пушистая,
Снѣжинка бѣлая,
Какая чистая,
Какая смѣлая!
Дорогой бурною
Легко проносится,
Не въ высь лазурную,
На землю просится.
Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя въ безвѣстную
Страну низринула.
Въ лучахъ блистающихъ
Скользитъ, умѣлая,
Средь хлопьевъ тающихъ,
Сохранно-бѣлая.
Подъ вѣтромъ вѣющимъ
Дрожитъ, взметается,
На немъ лелѣющимъ,
Свѣтло качается.
Его качелями
Она утѣшена,
Съ его мятелями

Крутится бѣшено.
Но вотъ кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звѣзда кристальняя.
Лежитъ пушистая,
Снѣжинка смѣляя.
Какая чистая,
Какая бѣлая!

КАМЫШИ.

Полночной порою въ болотной глуши
Чуть слышно, безшумно, шуршатъ камыши.
О чемъ они шепчутъ? О чемъ говорятъ?
Зачѣмъ огоньки между ними горятъ?
Мелькаютъ, мигаютъ, и снова ихъ нѣтъ.
И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.
Полночной порой камыши шелестятъ.
Въ нихъ жалобы гнѣздятся, въ нихъ змѣи свистятъ.
Въ болотѣ дрожитъ умирающій ликъ,
То мѣсяцъ багровый печально поникъ.
И тиной запахло. И сырость ползетъ.
Трясина заманитъ, сожметъ, засосетъ.
„Кого? Для чего?“ — камыши говорятъ.
„Зачѣмъ огоньки между нами горятъ?“
Но мѣсяцъ печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой ликъ.
И, вздохъ повторяя погибшей души,
Тоскливо, безшумно шуршатъ камыши.

СТАРАЯ ПѢСЕНКА.

Mamma, mamma! perchè lo dicesti,
— Figlia, figlia! perchè lo fatesti?
Изъ неумирающихъ разговоровъ.

Жили въ мірѣ дочь и мать.
„Гдѣ бы денегъ намъ достать?“

Говорила это дочь.
А сама темнѣй, чѣмъ ночь.
„Будь теперь я молода,
Не спросила бъ я тогда.
Я бъ сумѣла ихъ достать“,
Говорила это мать.
Такъ промолвила со зла,
На минуту отошла.
Но на цѣлый вечеръ прочь,
Прочь ушла куда-то дочь.
„Дочка, дочка — Боже мой! —
Что ты дѣлаешь со мной?“
Испугалась, плачетъ мать.
Долго будетъ дочку ждать.
Много времени прошло.
Быстро въ мірѣ ходитъ зло.
Мать обмолвилась со зла.
Дочь ей денегъ принесла.
Помертвѣла, смотритъ мать.
„Хочешь деньги сосчитать?“
„Дочка, дочка — Боже мой! —
Что ты дѣлаешь со мной?“
„Ты сказала — я пошла“. —
„Я обмолвилась со зла“. —
„Ты обмолвилась, а я
Оступилась, мать моя.“

ЧЕЛОВѢЧЕКЪ.

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабосильный
Мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный семьянинъ.
Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, щепетильный,
Вся душа его, душонка точно изъ морщинъ.
Вѣчно долженъ и не долженъ, то нельзя, а это можно,
Бракъ законный — спросъ и купля, обликъ сонный, гробъ сердецъ;

Можешь карты, можешь мысли передернуть — осто-
рожно,
Явно грабить — неразумно, но стриги — овецъ.
Монотонный, односложный, какъ напѣвы людоѣда:
Тотъ упорно двѣ три ноты тянетъ — тянетъ безъ
конца,
Здѣсь несчастный — существуетъ отъ обѣда до обѣда;
Чтобъ поѣсть, жену убьетъ онъ, умертвитъ отца.
Этотъ туже пѣсню тянетъ, только онъ вѣдь просвѣ-
щенный,
Онъ оформитъ, онъ запишетъ, дверь запретъ онъ на
крючекъ,
Блѣдноумный, сыщикъ вольныхъ, немочь сердца,
евнухъ сонный, —
О, когда бъ ты, милліонный, вдругъ исчезнуть могъ!

* * *

О, волны морскія, родная стихія моя,
Всегда вы свободно бѣжите въ иные края,
Всегда одиноки въ холодномъ движеньи своемъ,
А мы безутѣшно тоскуемъ, — одни и вдвоемъ.
Зачѣмъ не могу я дышать и бѣжать, какъ волна?
Я въ мірѣ одинъ и душа у меня холодна,
Я также спѣшу все въ иные, въ иные края, —
О, волны морскія, родная стихія моя!

ЗАВѢТЪ БЫТІЯ.

Я спросилъ у свободнаго Вѣтра,
Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ.
Мнѣ отвѣтилъ играющій Вѣтеръ:
„Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!“
Я спросилъ у могучаго Моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія.
Мнѣ отвѣтило звучное Море:
„Будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!“

Я спросилъ у высокаго Солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари.
Ничего не отвѣтило Солнце,
Но душа услыхала: „Гори!"

СВѢТЛЫЙ МІРЪ.

Тонкій, узкій, длинный ходъ
Въ глубь земли мечту ведетъ.
Только спустишься туда,
Встрѣтишь замки изо льда.
Чуть сойдешь отсюда внизъ,
Разноцвѣтности зажглись,
Смотритъ чей-то свѣтлый глазъ,
Лунный камень и алмазъ.
Тамъ опять снѣжитъ, а тутъ ..
Расцвѣтаетъ изумрудъ.
И услышишь въ замкахъ тѣхъ
Флейты, лютни нѣжный смѣхъ.
И увидишь чьихъ-то ногъ
Тамъ хрустальный башмачокъ.
Льды, колонны, свѣтъ, снѣга,
Нѣжность, снѣжность, жемчуга.
Тонкій, узкій, длинный ходъ
Въ этотъ свѣтлый міръ ведетъ.
Но, чтобъ знать туда пути,
Нужно бережно идти.

ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ.

Быть можетъ, когда ты уйдешь отъ меня,
Ты будешь ко мнѣ холоднѣй.
Но цѣлую жизнь, до послѣдняго дня,
О, другъ мой, ты будешь моей.
Я знаю, что новыя страсти придутъ,
Съ другимъ ты забудешься вновь.

Но въ памяти прежніе образы ждутъ,
И старая тлѣетъ любовь.
И будетъ мучительно сладостный мигъ: —
Въ лучахъ отлетѣвшаго дня,
Съ другимъ заглянувши въ безсмертный родникъ.
Ты вздрогнешь — и вспомнишь меня.

МОИ ПѢСНОПѢНІЯ.

Въ моихъ пѣснопѣньяхъ журчанье ключей,
Что звучатъ все звончѣй и звончѣй.
Въ нихъ женственно-страстные шопоты струй
И дѣвическій въ нихъ поцѣлуй.
Въ моихъ пѣснопѣньяхъ застывшіе льды,
Безпредѣльность хрустальной воды.
Въ нихъ бѣла пышность пушистыхъ снѣговъ,
Золотые края облаковъ.
Я звучныя пѣсни не самъ создавалъ,
Мнѣ забросилъ ихъ горный обвалъ,
И вѣтеръ влюбленный, дрожа по струнѣ,
Трепетанія передалъ мнѣ.
Воздушныя пѣсни съ мерцаньемъ страстей
Я подслушалъ у звонкихъ дождей.
Узорно-играющій тающій свѣтъ
Подглядѣлъ въ сочетаньяхъ планетъ.
И я въ человѣческомъ не человѣкъ,
Я захваченъ разливами рѣкъ.
И, въ море стремя полногласность свою,
Я стозвучныя пѣсни пою.

* * *

Я — изысканность русской медлительной рѣчи
Предо мною другіе поэты — предтечи,
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я — внезапный изломъ.
Я — играющій громъ,
Я — прозрачный ручей,
Я для всѣхъ и ничей.
Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
Самоцвѣтные камни земли самобытной,
Переклички лѣсныя зеленаго мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.
Вѣчно-юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ —
И въ себя и въ другихъ,
Я — изысканный стихъ.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ.

Есть въ русской природѣ усталая нѣжность.
Безмолвная даль затаенной печали,
Безвыходность горя, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали.
Приди на разсвѣтѣ на склонъ косогора —
Надъ зыбкой рѣкою дымится прохлада,
Чернѣетъ громада застывшаго бора, —
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.
Недвижный камышъ. Не трепещетъ осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко — далеко.
Во всемъ утомленье глухое, нѣмое.
Войди на закатѣ, какъ въ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада, —
Деревья такъ сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.
Какъ будто душа о желанномъ просила,
И сдѣлали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

SIN MIEDO.

Если ты поэтъ и хочешь быть могучимъ,
Хочешь быть безсмертнымъ въ памяти людей,
Порази ихъ въ сердце вымысломъ пѣвучимъ,
Думы закали въ пламени страстей.
Ты видалъ кинжалы древняго Толедо?
Лучшихъ не увидишь, гдѣ бы не искалъ.
На клинкѣ узорномъ надпись: "Sin miedo", —
Будь всегда безстрашнымъ, — властенъ ихъ закалъ.
Раскаленной стали форму придавая,
Въ сталь кладутъ по черни золотой узоръ,
И вѣка сверкаетъ красота живая
Двухъ металловъ слитыхъ, разныхъ съ давнихъ поръ,
Чтобъ твои мечты вовѣкъ не отблистали,
Чтобъ твоя душа всегда была жива,
Разбросай въ напѣвахъ золото по стали,
Влей огонь застывшій въ звонкія слова.

АККОРДЫ.

C'est un phare allumé sur mille citadelles.
Baudelaire.

Мнѣ снился мучительный Гойя, художникъ чудовищ-
ныхъ грезъ, —
Больная насмѣшка надъ жизнью, надъ царствомъ
могилы вопросъ.
Мнѣ снился безсмертный Веласкезъ, Коэльо, Мурильо
святой,
Создавшій воздушность и холодъ и пламень мечты
золотой.
И Винчи спокойный, какъ Гете, и свѣтлый, какъ сонъ,
Рафаэль,
И нѣжный, какъ вздохъ, Боттичелли, нѣжнѣй, чѣмъ
весною свирель.
Мнѣ снились волхвы откровеній, любимцы грядущихъ
временъ,

Воззванья влекущихъ на битву, властительно-яркихъ
знаменъ,
Намеки на сверхчеловѣка, обломки нездѣшнихъ міровъ,
Аккорды бездонныхъ значеньемъ, еще не разгаданныхъ снов.

МІРОВАЯ ТЮРЬМА.

Когда я думаю, какъ много есть Вселенныхъ,
Какъ много было ихъ, и будетъ вновь и вновь, —
Мнѣ небо кажется тюрьмой несчастныхъ плѣнныхъ,
Гдѣ свѣтъ закатности есть жертвенная кровь.
Опять разрушатся всѣ спайки, склейки, скрѣпы,
Всѣ связи рушатся, — и снова будетъ Тьма,
Плясъ жадныхъ атомовъ, чудовищно — свирѣпыхъ,
Циклонъ незримостей, стихійная чума.
И вновь сомкнетъ, скуетъ водоворотъ спиральный
Звено упорное сложившихся планетъ,
И странной музыкой, безгласной и печальной,
Въ эфирныхъ пропастяхъ польется звѣздный свѣтъ.
И какъ въ былые дни, чтобъ прочнымъ было зданье,
Подъ основанье бывалъ живой зарытъ, —
Въ блестящихъ звѣздностяхъ есть бѣшенство страданья,
Лучистъ дворецъ небесъ, но онъ изъ тяжкихъ плитъ.

ЧЕРЕМУХА.

Черемухой душистой съ тобой опьянены,
Мы вдругъ забыли утро, и вдругъ вступили въ сны.
И утро превратилось въ моря безъ береговъ,
Моря плывучихъ тучекъ, вѣтвей, кустовъ, цвѣтовъ.
Цвѣты, деревья, травы, и травы, и цвѣты,
Моря цвѣтовъ и красокъ, любовь, и я, и ты.
Лицо къ лицу склонивши, и руку въ руку взявъ,
Мы вдругъ прониклись счастьемъ легко дрожащихъ
травъ.

Безмѣрнымъ свѣтомъ солнце свѣтило съ высоты,
И было изумленье, восторгъ, и я, и ты.
Въ насъ царствовала вѣчность, въ насъ былъ ко-
роткій часъ,
И утро выростало для насъ, для насъ, для насъ.
Мы были два сіянья, два признака весны,
Черемухой душистой подсказанные сны.

* * *

Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой радужной игры.
Не кляните мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко. Видите: плыву
И зову мечтателей... Васъ я не зову!

СОНЕТЪ.

Я съ нею шелъ въ глубокомъ подземельи,
Рука съ рукой, я былъ вдвоемъ одинъ.
Мы встрѣтились въ сверкающемъ весельи,
Мы нѣжились, какъ лиліи долинъ.
Потомъ пришли къ дверямъ старинной кельи,
Предстала Смерть, какъ блѣдный исполинъ.
И мы за ней, въ глубокомъ подземельи,
Стремились прочь отъ зелени долинъ.
Мы шли во тьмѣ, другъ друга не видали,
Любовь была, какъ сказка дальнихъ лѣтъ,
Любовь была печальнѣе печали.
Въ концѣ пути зажегся мрачный свѣтъ,
И я искатель вѣчной Антигоны,
Увидѣлъ рядомъ голову — Горгоны.

УТРО.

На вершинѣ горной коршунъ прокричалъ.
Вѣтеръ этотъ возгласъ до меня домчалъ,
Я разсвѣтъ вечерній не одинъ встрѣчалъ.
Солнце протянуло острые лучи,
И они зардѣли, ярко — горячи,
И отъ нихъ запѣли горные ключи.
О, какъ много силы и любви вокругъ,
О, какъ нѣжно млѣетъ этотъ горный лугъ.
Я съ тобой душою, мой далекій другъ.
Я гляжу въ долину съ горной высоты,
Въ мысляхъ, полныхъ страсти, расцвѣли цвѣты,
Въ этомъ мірѣ — Солнце, въ этомъ сердцѣ — ты.

Я КАКЪ ОБЛАКО.

Я какъ облако въ мигѣ равнодушнаго таянія,
Я храню еще отблескъ послѣднихъ лучей,
Но во мнѣ уже нѣтъ ни надеждъ, ни раскаянья,
Ни тревоги земной, только холодъ отчаянья,
Тишь сознанья, что мнѣ не сверкнуть горячѣй.
Я громами смѣялся во мглѣ отдаленія,
Я вкругъ молній пѣлъ перекличкой громовъ,
Я земныхъ научилъ красотѣ изступленія,
Свѣжей влагой поилъ и пески, и растенія,
Я былъ чудомъ для душныхъ нѣмыхъ теремовъ,
Далеко, далеко, надъ высокими кручами,
Ходитъ вѣтеръ туманъ собирая кругомъ.
Міръ упьется созвучьями, снова-могучими,
Ходитъ вѣтеръ, и весело грезитъ онъ тучами.
Я надъ вѣтромъ. Одинъ. Я забылъ обо всемъ.

ПРОЙДУТЪ ВѢКА ВѢКОВЪ.

Пройдутъ вѣка вѣковъ, толпы тысячелѣтій.
Какъ туча саранчи, съ собой несущей смерть,
И въ быстромъ ропотѣ испуганныхъ столѣтій
До горькаго конца пребудетъ таже твердь, —
Нѣмая, мертвая, отвергнутая Богомъ,
Живущимъ далеко въ беззвѣздныхъ небесахъ,
Въ дыханьи Вѣчности, за гранью, за порогомъ
Всего понятнаго, горящаго въ словахъ.
Всегда-холодная, пустыня звѣздъ надъ нами
Останется чужой до горькаго конца,
Когда она падетъ кометными огнями,
Какъ брызги слезъ нѣмыхъ съ печальнаго лица.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Липы душистой цвѣты распускаются...
Спи, моя радость, усни.
Ночь насъ окутаетъ ласковымъ сумракомъ,
Въ небѣ далекомъ зажгутся огни,
Вѣтеръ о чемъ-то зашепчетъ таинственно,
И позабудемъ мы прошлые дни,
И позабудемъ мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни.
Бѣдный ребенокъ, больной и застѣнчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страданія.
Какъ наклоняется нѣжно къ ручью
Ива плакучая, ива печальная,
Такъ заглянула ты въ душу мою,
Ищешь отвѣта въ ней... спи. Колыбельную
Я тебѣ пѣсню спою.
О, моя ласточка, о, моя дѣточка,
Въ мірѣ холодномъ съ тобой мы одни,
Радость и горе раздѣлимъ мы поровну,

Крѣпче къ надежному сердцу прильни.
Мы не измѣнимся, мы не разстанемся,
Будемъ мы вмѣстѣ ночи и дни.
Вмѣстѣ съ тобою навѣкъ успокоимся...
Спи, моя радость, усни.

* * *

Ты — шелестъ нѣжнаго листка,
Ты — вѣтеръ, шепчущій украдкой,
Ты — свѣтъ, бросаемый лампадкой,
Гдѣ брезжитъ сладкая тоска.
Мнѣ чудится, что я когда-то
Тебя видалъ, съ тобою былъ,
Когда я сердцемъ то любилъ,
Къ чему мнѣ больше нѣтъ возврата.

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ.

Жизнь утомила меня.
Смерть, наклонись надо мною!
Въ небѣ предчувствіе дня,
Сумракъ блѣднѣетъ ночной...
Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
Въ утренней дѣвственной мглѣ,
Дубъ залепечетъ съ сосной.
Грустно поникнетъ къ землѣ
Ласковый ландышъ лѣсной.

Вѣстникъ безсмертнаго дня,
Гдѣ-то зашепчетъ родникъ,
Гдѣ-то проснется, звеня...
Въ этотъ таинственный мигъ,
Смерть, убаюкай меня!

* * *

Я знаю, что значитъ — безумно рыдать,
Вокругъ себя видѣть пустыню безплодную,
Что значитъ — съ отчаяніемъ въ зиму холодную
Напрасно весны ожидать.
Но знаю я также, что гимнъ соловья
Лишь тѣмъ и хорошъ, что похожъ на рыданіе,
Что горъ снѣговыхъ вѣковое молчаніе
Прекраснѣй, чѣмъ лепетъ ручья.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви всегда безсвязны,
Они дрожатъ, они алмазны,
Какъ въ часъ предутренній — звѣзда;
Они журчатъ, какъ ключъ въ пустынѣ,
Съ начала міра и до нынѣ,
И будутъ первыми всегда;
Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
Какъ свѣтъ, какъ воздухъ безпредѣльны,
Легки, какъ всплески въ тростникахъ,
Какъ взмахи птицы опьяненной,
Съ другою птицею сплетенной
Въ летучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

ТУМАНЫ.

Туманы таяли и вновь росли надъ лугомъ,
Ползли холодные, надъ мертвою травой,
И блѣдные цвѣты шепталися другъ съ другомъ,
Скорбя застывшею листвой.
Они хотѣли жить, блистая лепестками,
Вздыхать, дышать, горѣть, лелѣять ароматъ,
Любиться съ пчелами, дрожать подъ мотыльками,
Изъ міра сдѣлать пышный садъ.
Они изнемогли подъ сыростью тумана,
И жаждали зари, и жаждали огня,
И плакали, что смерть приходитъ слишкомъ рано,
Что поздно вспыхнутъ краски дня.

И день забрезжился. Туманы задрожали,
Воздушнымъ кораблемъ повисли надъ землей,
И вѣтры буйные, смѣясь его качали,
И свѣтъ боролся съ тусклой мглой.
Все жарче день пылалъ сверкающимъ привѣтомъ,
Холодный кругъ земли дыханьемъ горяча, —
И облако зажглось, пронизанное свѣтомъ
Непобѣдимаго луча.

* *
*

Свѣча горитъ и меркнетъ и вновь горитъ сильнѣй.
Но меркнетъ безвозвратно сіяніе юныхъ дней.
Гори же, разгорайся, пока еще ты юнъ,
Сильнѣй, полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ,
Чтобъ было что припомнить на склонѣ трудныхъ лѣтъ,
Чтобъ старости холодной свѣтилъ нетлѣнный свѣтъ —
Мечтаній благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ — и святыхъ.

РЕБЕНОКЪ.

Ребенокъ, весь свѣтлый, такъ мило курчавый,
Сказалъ мнѣ: „Иду за тобой я, — а ты?
За кѣмъ?“ Распускались весеннія травы,
Пестрѣли, желтѣли цвѣты.
И я, разсмѣявшись, сказалъ: „За стихами,
Стихи — вонъ за тѣмъ мотылькомъ,
Аонъ тсъ вѣтеркомъ — за тѣми цвѣтами,
И вмѣсѣ играютъ они лепесткомъ“.
„А всѣ они вмѣстѣ?“ — „За Солнцемъ веселымъ“.
— „А Солнце?“ — „За Тьмою“. — „Какъ, Солнце за
Тьмой?“
„Ты шутишь. Ты — гадкій“... О, медомъ тяжелымъ
Наполненъ цвѣтокъ полевой!

ОТТУДА.

Я обѣщаю вамъ сады.
Коранъ.

Я обѣщаю вамъ сады,
Гдѣ поселитесь вы навѣки,
Гдѣ свѣжесть утренней звѣзды,
Гдѣ спятъ нешепчущія рѣки.
Я призываю васъ въ страну,
Гдѣ нѣтъ печали ни заката,
Я посвящу васъ въ тишину,
Откуда къ бурямъ нѣтъ возврата.
Я покажу вамъ то одно,
Что никогда вамъ не измѣнитъ,
Какъ камень, канувшій на дно
Верховныхъ волнъ собой не вспѣнитъ.
Идите всѣ на зовъ звѣзды,
Глядите, я горю предъ вами.
Я обѣщаю вамъ сады
Съ неомраченными цвѣтами.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА.

Отчего у тебя голубые глаза?
Оттого, что, когда пролетѣла гроза,
Были молніи рдяны и сини,
Я смотрѣла на пляску тѣхъ синихъ огней
И на небо, что все становилось синѣй,
А потомъ я пошла по пустынѣ,
Предо мной голубѣлъ и синѣлъ звѣробой,
Колокольчикъ сіялъ и звенѣлъ голубой;
И пришла я въ нашъ домъ на ступени,
А надъ ними ужъ ночь голубѣя плыла,
И Весна королевой лазури была,
И душисто синѣли сирени.

В. БРЮСОВЪ
1873 г.

ПОДРУГИ.

Три женщины, грязныя, пьяныя,
Обнявшись, идутъ и шатаются.
Дрожатъ колокольни туманныя,
Кресты у церквей наклоняются.
Заслышавши рѣчи безсвязныя,
На хриплыя пѣсни похожія,
Смѣются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожіе.
Идутъ онѣ, грязныя, пьяныя,
Поютъ свои пѣсни, ругаются...
И горестно церкви туманныя
Предъ ними крестами склоняются.

ВѢЯНЬЕ СМЕРТИ.

3.

Ни красокъ, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрыхъ рыбъ, ни полумертвыхъ розъ,
Ни даже сновъ безпечнаго разврата,
Ни слезъ!
Потокъ созвучій всѣ слова унесъ,
За вечера видѣній вотъ расплата!
Но странно нѣжитъ эта мгла безъ грезъ,
Безъ слезъ!

Послѣдній лучъ въ предчувствіи заката
Блѣднѣетъ... Ночь близка... Померкъ утесъ...
Мнѣ все равно. Не надо — ни возврата,
Ни слезъ!

Я.

Мой духъ не изнемогъ во мглѣ противорѣчій,
Не обезсилѣлъ умъ въ сцѣпленьяхъ роковыхъ.
Я всѣ мечты люблю, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ.
Я возносилъ мольбы Астартѣ и Гекатѣ,
Какъ жрецъ, стотельчихъ жертвъ самъ проливалъ кровь,
И послѣ подходилъ къ подножіямъ распятій
И славилъ сильную, какъ смерть любовь.
Я посѣщалъ сады Ликеевъ, Академій,
На воскѣ отмѣчалъ реченья мудрецовъ,
Какъ вѣрный ученикъ, я былъ ласкаемъ всѣми,
Но самъ любилъ лишь сочетанья словъ.
На островѣ Мечты, гдѣ статуи, гдѣ пѣсни,
Я изслѣдилъ пути въ огняхъ и безъ огней,
То поклонялся тѣмъ, что ярче, что тѣлеснѣй,
То трепеталъ въ предчувствіи тѣней.
И странно полюбилъ я мглу противорѣчій,
И жадно сталъ искать сплетеній роковыхъ.
Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ...

РАБОТА.

Здравствуй, тяжкая работа,
Плугъ, лопата и кирка!
Освѣжаютъ капли пота,
Ноетъ сладостно рука!
Прочь вѣнки, дары царевны,
Упадай порфира съ плечъ!

Здравствуй, жизни повседневной
Грубокованная рѣчь!
Я хочу извѣдать тайны
Жизни мудрой и простой.
Всѣ пути необычайны,
Путь труда, какъ путь иной.
Въ часъ, когда устанетъ тѣло,
И ночлегомъ будетъ хлѣвъ, —
Мнѣ падъ кровлей закоптѣлой
Что приснится за напѣвъ?
Что возстанутъ за вопросы,
Опьянятъ что за слова,
Въ часъ, когда подъ наши косы,
Ляжетъ влажная трава?
А когда и въ дождь, и въ холодъ
Зазвенитъ кирка моя,
Буду ль вѣрить, что я молодъ,
Буду ль знать, что силенъ я?

КАМЕНЩИКЪ.

— Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукѣ бѣломъ,
Что ты тамъ строишь? кому?
— Эй не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.
— Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
— Вѣрно, не ты и не твой братъ, богатый,
Незачѣмъ вамъ воровать.
— Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто жъ проведетъ въ ней безъ сна?
— Можетъ быть сынъ мой, такой же рабочій,
Тѣмъ наша доля полна.
— Каменщикъ, каменщикъ, вспомнитъ, пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!
— Эй берегись! подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи.

ФАБРИЧНАЯ.

Есть улица въ нашей столицѣ.
Есть домикъ, и въ домикѣ томъ
Ты пятую ночь въ огневицѣ
Лежишь на одрѣ роковомъ.
И каждую ночь регулярно
Я здѣсь подъ окошкомъ стою,
И сердце мое благодарно,
Что видитъ лампадку твою.
Ахъ, если бъ ты чуяла, знала,
Чье сердце стучитъ у окна!
Ахъ, если бъ въ бреду угадала,
Чья тѣнь поминутно видна!
Не снятся ль тебѣ наши встрѣчи
На улицѣ, въ жуткій морозъ,
Иль наши любовныя рѣчи
И ласки, и ласки до слезъ?
Твой мужъ, задремавши на стулѣ,
Проспитъ, что ты шепчешь въ бреду;
А я до зари караулю
И только при солнцѣ уйду.
Мнѣ вечеромъ дворники скажутъ,
Что ты поутру отошла,
И молча въ окошко укажутъ
Тебя по срединѣ стола.
Войти я къ тебѣ не посмѣю,
Но земный поклонъ положивъ,
Пойду изъ столицы въ Рассею
Рыдать на раздоліи нивъ.
Я въ камняхъ промучался долго,
И въ нихъ загубилъ я свой вѣкъ.
Прими меня матушка, Волга,
Царица великая рѣкъ.

РАБЪ.

Я — рабъ, и былъ рабомъ покорнымъ
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ царицъ.
Предъ взоромъ, пламеннымъ и чернымъ;
Я молча повергался ницъ.
Я лобызалъ слѣды сандалій
На влажномъ утреннемъ пескѣ.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла къ рѣкѣ.
И разъ — мой взоръ, сухой и страстный,
Я удержать въ пыли не могъ,
И онъ скользнулъ къ лицу прекрасной,
И очи бѣгло ей обжегъ.
И вздрогнула отъ гнѣва.
Казнь-оскорбителямъ святынь!
И вдаль пошла среди напѣва
За ней толпившихся рабынь.
И въ эту жъ ночь я былъ прикованъ
У ложа царскаго, какъ песъ.
И весь дрожалъ я, очарованъ
Предчувствіемъ безвѣстныхъ грезъ.
Она вошла стопой неспѣшной,
Какъ только жрицы входятъ въ храмъ,
Такой прекрасной и безгрѣшной,
Что было тягостно очамъ.
И падали ея одежды
До ткани, бывшей на груди...
И въ ужасѣ сомкнулъ я вѣжды..
Но голось мнѣ шепнулъ: гляди!
И юноша скользнулъ къ постели,
Она, покорная, ждала...
Лампадъ свѣтильни прошипѣли,
Настала тишина и мгла.
И было все на бредъ похоже!
Я былъ свидѣтель чаръ ночныхъ,
Всего, что тайно кроетъ ложе,

Ихъ содроганій, стоновъ ихъ.
Я утромъ увидалъ ихъ рядомъ!
Еще дрожащихъ въ смѣнѣ грезъ!
И вплоть до дня впивался взглядомъ, —
Прикованъ къ ложу ихъ, какъ песъ.
Вотъ сосланъ я въ каменоломню,
Дроблю гранитъ, стирая кровь.
Но эту ночь я помню, помню!
О, если бъ пережить все — вновь!

РАБЫНИ.

Она была какъ свѣтъ прекрасна,
И какъ сіяніе свѣтла.
Она намъ въ душу тѣнью страстной,
Отрадной сладостью вошла.
Она — царевна, мы — рабыни.
Двѣ эѳіопки, цѣлый день
Мы вѣеръ двигаемъ павлиній,
Ей тихо навѣвая тѣнь.
Когда же время наступило
Устать, мы въ ложницѣ надъ ней
Опять качали опахало,
И тихъ былъ вѣтеръ межъ тѣней.
И мы мечты не утаили,
Дала намъ смѣлость темнота --
Къ ногамъ, бѣлѣе бѣлыхъ лилій,
Прижать кровавыя уста.
И съ этихъ поръ, едва темнѣло,
И жизнь нѣмѣла въ снѣ ночномъ,
Въ опочивальнѣ къ тѣлу тѣло —
Сближали мы, тая, втроемъ.
Но мы стыдясь себя на ложѣ, —
Близъ ангела двѣ дщери тьмы!
И здѣсь ей поклонялись тоже,
И здѣсь служили рабски мы!

Иль было ей восторговъ мало?
И этихъ ласкъ, и этихъ губъ?
Она иного пожелала, —
Но ласкъ не пожелаетъ трупъ!
Онъ былъ царевичъ и мужчина,
Онъ былъ и силенъ и красивъ,
Но онъ не вкуситъ ни единый
Ея младенческій порывъ!
Я подала ей чашу съ ядомъ,
О, спи! твой сонъ глубокъ и строгъ!
И мы съ тобой на ложѣ рядомъ
Въ послѣдній разъ у этихъ ногъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Дѣвочка далекая,
Спи, мечта моя!
Пѣсня одинокая
Надъ тобой — какъ я.
Пѣсня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно нераздѣльная
Съ чуткой тишиной.
Это отзвукъ тающій
Прежнихъ, страстныхъ словъ,
Отзвукъ умирающій
Въ тихой безднѣ сновъ.
Словно рѣчь безсвязная —
Память лучшихъ дней...
А была алмазная
Радуга огней!
Дремлешь ты подъ пѣніе
Въ колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновеніе
Счастлива, какъ мы!
И въ минуту жгучую,
Отъ любви мертва,

Вспомни ночь пѣвучую,
Тихія слова!
Спи, моя далекая,
Въ храмѣ бытія,
Пѣсня одинокая —
Вся любовь моя!

ВСТРѢЧА.

O toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!
Ch Baudelaire (A une passante).

О эти встрѣчи мимолетныя,
На улицахъ столицъ!
О эти взоры безотчетные,
Бесѣда бѣглая рѣсницъ!
На зыби яростной мгновеннаго
Мы двое — у одной черты.
Безмолвный крикъ желанья личнаго:
„Ты кто, скажи?“ отвѣтъ: „кто ты?“
И взоромъ прошлое разсказано,
И брошенъ зовъ ей: „Будь моей!“
И вотъ она обѣтомъ связана...
Но мигъ прошелъ, и мы не съ ней.
Далеко, тамъ, въ толпѣ скользитъ она,
Но развѣ страсть не вся испытана
Не вся любовь пережита!

СУМЕРКИ.

Горятъ электричествомъ луны
На выгнутыхъ длинныхъ стебляхъ;
Звенятъ телеграфныя струны
Въ незримыхъ нѣжныхъ рукахъ;
Круги циферблатовъ янтарныхъ
Волшебно зажглись надъ толпой,
И жаждущихъ плитъ тротуарныхъ
Проснулся прохладный покой.

Подъ сѣтью плѣнительно-зыбкой
Притихъ отуманенный скверъ,
И вечеръ цѣлуетъ съ улыбкой
Въ глаза проходящихъ гетеръ.
Какъ тихіе звуки клавира —
Далекіе ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

АНГЕЛЪ БЛАГОГО МОЛЧАНІЯ

МОЛИТВА.

Ангелъ благого молчанія,
Властно уста загради,
Въ часъ когда силой страданія
Сердце трепещетъ въ груди!
Ангелъ благого молчанія,
Радостнымъ быть помоги,
Въ часъ когда шумъ ликованія
Къ небу возносятъ враги!
Ангелъ благого молчанья,
Гордость въ душѣ оживи,
Въ часъ когда пламя желанья
Быстро струится въ крови!
Ангелъ благого молчанія,
Смолкнуть устамъ повели,
Въ часъ когда льетъ обаяніе
Вѣчно любимой земли!
Ангелъ благого молчанія,
Душу себѣ покори,
Въ часъ когда брежжетъ сіяніе
Долго желанной зари!
Въ тихихъ глубинахъ сознанія
Свѣтятъ святые огни!
Ангелъ благого молчанія,
Душу отъ словъ охрани!

* * *

Мы ѣхали долго, безъ цѣли, куда-то,
Куда-то далеко, впередъ, безъ возврата...
Поспѣшно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убѣгали,
Сурово стучали подъ нами мосты.
Мы ѣхали долго. Намъ дождь повстрѣчался
И долго въ оконныя рамы стучался,
Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури
И къ чистой лазури мы ринулись вновь!

СТРАСТИ СНЫ.

Прощаю все, и то, что ты лгала мнѣ
Губами алыми, дарами долгихъ ласкъ,
Что вмѣсто хлѣба мнѣ давала камни,
Что на рукахъ цѣпей я слышалъ лязгъ;
И то, что мной цѣлованное тѣло
Бросала ты лобзаніямъ другихъ,
И то, что сдѣлать лживымъ ты хотѣла
Мой праведный, мой богомольный стихъ!
Прощаю все, за то, что были алы
Твои всечасно лгавшія уста,
Что жгли меня твоихъ грудей овалы,
Что есть въ твоемъ лицѣ одна черта;
Еще за то, что ласковымъ названьемъ
Ты нѣжила меня въ часъ темноты;
За то, что всѣмъ томленьямъ, всѣмъ страданьямъ
Меня обречь умѣла только ты!

РАДОСТНЫЙ МИГЪ.

... тотъ радостный мигъ,
Какъ тебя умолялъ, я несчастный палачъ.
Фетъ.

Когда, счастливый, я уснулъ, она, —
Я знаю, — молча сѣла на постели.
Отъ ласкъ недавнихъ у нея горѣли
Лицо, и грудь, и шея. Тишина

Еще таила отзвукъ нашихъ вскриковъ,
И терпкій запахъ двухъ усталыхъ тѣлъ
Дразнилъ дыханье. Лунныхъ легкихъ бликовъ
Лежали пятна на полу, и бѣлъ
Былъ доразсвѣтный сумракъ узкой спальной,
И женщина, во тьмѣ лицо клоня,
Усмѣшкой, искаженное страдальной,
Смотрѣла долго, долго на меня,
Припоминая нашъ восторгъ минутный...
И чуждо было ей мое лицо,
И мысли были спутаны и смутны.
Но вдругъ съ руки вѣнчальное кольцо
Сорвавъ, швырнула прочь, упала рядомъ,
Сжимая зубы, подавляя плачъ,
Рыдая глухо... но съ закрытымъ взглядомъ,
Я былъ простертъ во снѣ, нѣмой палачъ.
И снилось мнѣ, что мы еще сжимаемъ
Въ объятіяхъ другъ друга, что постель
Намъ кажется вновь сотвореннымъ раемъ,
Что мы летимъ, летимъ и близко цѣль.
И въ свѣтѣ утреннемъ, когда всѣ краски
Безстыдно явственны, ея лица
Не понялъ я: печати слезъ иль ласки —
Вкругъ глазъ ея два сумрачныхъ кольца.

LA BELLE DAME SANS MERCI.

Я не покрылъ лица забраломъ,
Не поднялъ твердаго щита, —
Я ждалъ одинъ надъ темнымъ валомъ,
Гдѣ даль безмолвна и пуста.
Я звалъ: „Стрѣла чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мнѣ предстань во мглѣ тумана,
La belle dame sans merci!
Свершалъ я тайные обряды
Предъ алтаремъ въ молчаньи залъ.

Прекрасной Дамы безъ пощады
Я вѣчный призракъ заклиналъ:
„Явись, какъ мѣсяцъ надъ печалью,
Мой приговоръ произнеси,
Пронзи мнѣ сердце вѣрной сталью,
La belle dame sans merci!“
Встрѣчалъ я ликъ на твой похожій,
За нимъ стремилъ покорный путь,
Какъ на костеръ, всходилъ на ложе,
Какъ въ плаху, поникалъ на грудь.
„Сожги меня послѣдней страстью,
Иль въ строгій холодъ вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle dame sans merci!“
Но шла ты годъ за годомъ, мимо,
Непостижимой, неземной.
Ни разу ты, неумолимой,
Какъ Рокъ, не стала предо мной!
Приди, — огнемъ любви и муки
Во мнѣ всѣ жажды погаси,
И погрузи мнѣ въ сердце руки,
La belle dame sans merci!

ВЕЧЕРНІЙ ПРИЛИВЪ.

Кричатъ афиши, пышно-пестрыя,
И стонутъ вывѣсокъ слова,
И магазиновъ свѣты острые
Язвятъ, какъ вопли торжества.
Тамъ спятъ за стеклами матеріи,
Льютъ брилліанты яркій ядъ,
И надъ звѣздой червонцевъ-серіи
Сіяньемъ сѣвернымъ горятъ.
Прорѣзанъ длинными колодцами
Горящихъ улицъ, — городъ живъ...
Киша безсчетными уродцами,
Вечерній празднуетъ приливъ.

Скрывъ небеса съ звѣздами чуткими,
Лучи синѣютъ фонарей —
Надъ мудрецами, проститутками,
Надъ зыбью пляшущихъ людей.
Кадрилей нарушая линіи,
Межъ паръ кружащихся — звеня,
Трамваи мечутъ молніи синія,
Автомобили-снопъ огня.
Позоръ, подъ музыку колесную,
Вознесъ смычекъ, какъ дирижеръ,
И слилъ толпу многоголосную
Въ единый и священный хоръ:
„Мы славимъ, Прахъ, Твое Величество,
Тебѣ ведемъ мы хороводъ,
Вкругъ алтарей изъ электричества,
Вонзившихъ копья въ небосводъ!“

ВЪ ИТАЛЬЯНСКОМЪ ХРАМѢ.

Vulnerant omnes ultima necat
Надпись на часахъ.

Да, ранятъ всѣ, послѣдній убиваетъ.
Вамъ — мой привѣтъ, безстрастные часы,
Моя душа васъ набожно считаетъ!
Тотъ острымъ жаломъ вдумчивой осы
Язвитъ мечты! тотъ, какъ кинжаломъ рѣжетъ;
Тотъ грезы коситъ съ быстротой косы.
Что вопли, стоны, что зубовный скрежетъ
Предъ тихимъ вздохомъ, данникомъ часовъ!
Боль жизни ровно, повседневно нѣжитъ.
Все — оскорбленье: дружбы лживый зовъ,
Объятья бѣглыя любви обманной,
И сочетанья надоѣвшихъ словъ...
Ахъ, много прекрасно и желанно!
Попрежнему стремлю я руки въ даль,
И жду, какъ прежде, съ вѣрой неустанной,

Но съ каждымъ днемъ томительнѣй печаль.
Но съ каждымъ годомъ вздохъ тоски побѣднѣй...
И долгой жизни мнѣ давно не жаль.

линокъ конца вонзай же часъ послѣдній!

Ѳ. СОЛОГУБЪ.
(1863).

Родился сынъ у бѣдняка.
Въ избу вошла старуха злая,
Тряслась костлявая рука,
Сѣдыя космы разбирая.
За повитухиной спиной
Старуха къ мальчику тянулась,
И вдругъ уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.
Шепча невнятныя слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понялъ колдовства.
Прошли года своей чредою, —
Сбылось велѣнье тайныхъ словъ:
На свѣтѣ встрѣтилъ онъ печали,
А счастье радость и любовь
Отъ знака темнаго бѣжали.

* * *

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ: — Отецъ мой, Дьяволъ,
Спаси помилуй, — я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей, —
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.

И Дьяволъ взялъ меня, и бросилъ
Въ полуистлѣвшую ладью,
Я тамъ нашелъ и пару веселъ,
И сѣрый парусъ, и скамью.
И вынесъ я опять на сушу,
Въ больное злое житіе,
Мою отверженную душу
И тѣло грѣшное мое.
И вѣренъ, я отецъ мой, Дьяволъ,
Обѣту данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И ты меня изъ бездны спасъ.
Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ возставлю
И соблазняя соблазню..

ТРІОЛЕТЫ СѢВЕРУ.

I.

Земля докучная и злая,
Но всё же мнѣ родная мать!
Люблю тебя, о мать нѣмая,
Земля докучная и злая!
Какъ сладко землю обнимать,
Къ ней приникая въ чарахъ мая!
Земля докучная и злая,
Но все же мнѣ родная мать!

II.

Любите, люди, землю, — землю
Въ зелёной тайнѣ влажныхъ травъ.
Велѣнью тайному я внемлю:
Любите, люди, землю, — землю
И сладость всѣхъ ея отравъ! —
Земной и тёмный все пріемлю.
Любите, люди, землю, — землю
Въ зелёной тайнѣ влажныхъ травъ.

III.

Сердце дрогнуло отъ радости.
Снова сѣверъ, снова дождь,
Снова нѣженъ мохъ и тощъ, —
И уныніе до радости,
И томленіе до сладости, —
И мечтанья тихихъ рощъ,
И дрожитъ душа отъ радости
Милый сѣверъ! милый дождь!

IV.

Куполъ церкви, крестъ и небо,
И вокругъ печаль полей, —
Что спокойнѣй и свѣтлѣй
Этой ясной жизни неба?
И скажи мнѣ другъ мой, гдѣ бы
Возносилася святѣй
Къ благодатнымъ тайнамъ неба
Сказка легкая полей!

V.

Какая радость — по дорогамъ
Стопами голыми идти
И сумку легкую нести!
Какая радость — по дорогамъ,
Въ смиреньи благостномъ и строгомъ
Стихи пѣвучіе плести!
Какая радость – по дорогамъ
Стопами голыми идти.

* * *

Злой драконъ, горящій ярко тамъ, въ зенитѣ
Протянувшій всюду пламенныя нити,
Опалившій зноемъ душнымъ всю долину, —
Злой драконъ, побѣду ты ликуешь рано!
Я изъ темнаго глубокаго колчана
Для тебя стрѣлу отравленную выну.

Предъ тобою съ лукомъ стану безъ боязни
Я свершитель смѣлый безпощадной казни,
Я, предсказанный и все жъ нежданный мститель.
Лукъ тугой стрѣла покинетъ съ мѣднымъ звономъ
Ты на вызовъ мой отвѣтишь тяжкимъ стономъ,
Ты померкнешь, ты погибнешь, злой губитель!

АМФОРА.

Въ амфорѣ ярко расцвѣченной,
Угрюмый рабъ несетъ вино.
Неровенъ путь неосвѣщенный,
А въ небесахъ уже темно, —
И напряженными глазами
Онъ зорко смотритъ въ полутьму,
Чтобъ черезъ край вино струями
Не пролилось на грудь ему.
Такъ я несу моихъ страданій
Давно наполненный фіалъ.
Въ немъ лютый ядъ воспоминаній,
Таясь коварно задремалъ.
Иду окольными путями
Съ сосудомъ зла, чтобъ кто нибудь
Неосторожными руками
Его не пролилъ мнѣ на грудь.

* * *

Если трудно мнѣ жить, если больно дышать,
Я въ пустыню иду, — о тебѣ помечтать,
О тебѣ разсказать перелетнымъ вѣтрамъ,
О тебѣ погадать по лѣснымъ голосамъ.
Я позвалъ бы тебя, — не умѣю назвать;
За тобой бы послалъ, — да не смѣю послать;
Я пошелъ бы къ тебѣ, — да не знаю пути;
А и зналъ бы я путь, — такъ боялся бъ идти.

Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забылъ и сокрытаго жду, —
И безмолвная смерть поцѣлуетъ меня
И къ тебѣ уведетъ, тишиной осѣня.

* * *

Я былъ одинъ въ моемъ раю,
И кто-то звалъ меня Адамомъ,
Цвѣты хвалили плоть мою
Первоначальнымъ ѳиміамомъ.
И первозданное звѣрье,
Тѣснясь вокругъ меня, на тѣло
Еще невинное мое
Съ любовью дикою глядѣло.
У ногъ моихъ журчалъ ручей,
Спѣша лобзать стопы нагія,
И отраженія очей
Мнѣ улыбалися, благія.
Когда ступени горныхъ плитъ
Роса вечерняя кропила,
Ко мнѣ волшебница Лилитъ
Стезей лазурной приходила.
И вся она была легка,
Какъ тихій сонъ, — какъ сонъ безгрѣшна,
И рѣчь ея была сладка,
Какъ нѣжный смѣхъ, — какъ смѣхъ утѣшна.
И не желать бы мнѣ иной!
Но я подъ сѣнью злого древа
Заснулъ... Проснулся, — предо мной
Стояла и смѣялась Ева...
Когда померкъ лазурный день,
Когда заря къ морямъ склонилась,
Моя Лилитъ прошла, какъ тѣнь,
Прошла, ушла, — навѣки скрылась.

ЧОРТОВЫ КАЧЕЛИ.

Въ тѣни косматой ели,
Надъ шумною рѣкой
Качаетъ чортъ качели
Мохнатою рукой.
Качаетъ и смѣется,
Впередъ — назадъ —
Впередъ — назадъ —
Доска скрипитъ и гнется,
О сукъ тяжелый трется
Натянутый канатъ.
Снуетъ съ протяжнымъ скрипомъ
Шатучая доска,
И чортъ хохочетъ съ хрипомъ,
Хватаясь за бока.
Держусь, томлюсь, качаюсь,
Впередъ, — назадъ, —
Впередъ, — назадъ, —
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
Отъ чорта темный взглядъ.
Надъ верхомъ темной ели
Хохочетъ голубой:
— Попался на качели,
Качайся — чортъ съ тобой!
Въ тѣни косматой ели
Визжатъ, кружась гурьбой:
— Попался на качели,
Качайся, — чортъ съ тобой!
Я знаю, чортъ не броситъ
Стремительной доски,
Пока меня не скоситъ
Грозящій взмахъ руки,
Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется

Ко мнѣ моя земля.
Взлечу я выше ели
И лбомъ о землю — трахъ.
Качай же, чортъ, качели,
Все выше, — выше, — ахъ!

* *
*

Порой повѣетъ запахъ странный, —
Его причины не понять, —
Давно померкшій день туманный
Переживается опять.
Какъ встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засовъ скрипучій вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо, —
И видишь тѣсные покои,
Гдѣ половицы чуть скрипятъ,
Гдѣ отсырѣлые обои
Въ углахъ тихонько шелестятъ,
Гдѣ скучный маятникъ маячитъ,
Внимая скучнымъ, злымъ рѣчамъ,
Гдѣ кто-то молится да плачетъ,
Такъ долго плачетъ по ночамъ.

* *
*

Люби меня ясно, какъ любитъ заря,
Жемчугъ разсыпая и смѣхомъ горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой,
И тихо погасни за мглистой чертой.
Люби меня тихо, какъ любитъ луна,
Сіяя безстрастно, ясна, холодна.
Волшебствомъ и тайной мой міръ освѣти, —
Помедлимъ съ тобою на темномъ пути.
Люби меня просто, какъ любитъ ручей,
Звеня и цѣлуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше бѣги.
Разлюбишь, забудешь, — не бойся, не лги.

* *
*

На немъ изношенный кафтанъ
И шапка колпакомъ,
Но весь онъ зыбкій, какъ туманъ,
И нѣтъ лица на немъ.
Не слышно голоса его,
Не видно рукъ и ногъ,
И онъ ступить ни у кого
Не смѣетъ на порогъ.
Не подойдетъ и не пройдетъ
Открыто впереди, —
Онъ за угломъ въ потемкахъ ждетъ
Бѣжитъ онъ позади,
Его никакъ не отогнать,
Ни словомъ, ни рукой.
Онъ будетъ прыгать да плясать
Беззвучно за стѣной.

* * *

Какая тягостная встрѣча!
Какая грусть и суета!
Зачѣмъ, судьбѣ противорѣча,
Ты все борьбою занята?
Нерасторжимы эти звенья.
Тебѣ навѣки быть рабой.
Лежатъ же тяжкіе каменья
Покорно въ гулкой мостовой,
Не прекословятъ же ступени,
Когда, всходя отъ сѣни къ сѣни
Иль нисходя по нимъ идутъ, —
Не прекословитъ листъ дрожащій,
Когда рукою злой и мстящей
Его съ другими съ вѣтки рвутъ.
О, покорись, пока не поздно,
Пока не минулъ ясный день,
Пока на долъ не пала грозно
Всеусыпляющая тѣнь.

* * *

О, смерть! Я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, — и ненавижу
Очарованіе земли,
Людскіе чужды мнѣ восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этотъ шумъ въ земной пыли.
Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, рабской, лживой,
Отринулъ я издавна власть.
Не мнѣ, обвѣянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мнѣ къ ногамъ ея упасть.
Не мнѣ идти на пиръ блестящій,
Огнемъ надменнымъ тяготящій
Мои дремотные глаза,
Когда на нихъ уже упала,
Прозрачнѣй чистаго кристала,
Твоя холодная слеза.

* * *

Вѣтеръ тучи носитъ,
Носитъ вихри пыли.
Сердце сказки проситъ,
И не хочетъ были.
Сидѣть за стѣной, работникомъ быть, —
О вѣтеръ, — ты могъ бы и стѣны разбить!
Ходи по дорогамъ изъ камней и плитъ, —
Онъ только тревожитъ, онъ только скользитъ!
И мертвыя видѣть повсюду слова.
Прекрасная сказка на вѣки мертва.

* * *

Суровый звукъ моихъ стиховъ —
Печальный отзвукъ дальней рѣчи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О, вдохновенье горькихъ словъ?

Во мглѣ почіетъ день туманный,
Воздвигся міръ вокругъ стѣной,
И нѣтъ пути передо мной
Къ странѣ, вотще обѣтованной.
И только звукъ, неясный звукъ
Порой доносится оттуда,
Но въ долгомъ ожиданьи чуда
Забыть ли горечь долгихъ мукъ!

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.
(1866 г.)

И хочу, но не въ силахъ любить я людей:
Я чужой среди нихъ; сердцу ближе друзей —
Звѣзды, небо, холодная, синяя даль,
И лѣсовъ, и пустыни нѣмая печаль...
Не наскучитъ мнѣ шуму деревьевъ внимать,
Въ сумракъ ночи могу я смотрѣть, до утра,
И о чемъ-то такъ сладко, безумно рыдать,
Словно вѣтеръ мнѣ братъ и волна мнѣ сестра,
И сырая земля мнѣ родимая мать...
А межъ тѣмъ не съ волной и не съ вѣтромъ мнѣ жить
И мнѣ страшно всю жизнь не любить никого
Неужели на вѣкъ мое сердце мертво?
Дай мнѣ силы, Господь, моихъ братьевъ любить!

* * *

Если розы тихо осыпаются,
Если звѣзды меркнутъ въ небесахъ,
Объ утесы волны разбиваются,
Гаснетъ лучъ зари на облакахъ, —
Это смерть —, но безъ борьбы мучительной;
Это смерть, плѣняя красотой,
Обѣщаетъ отдыхъ упоительный, —
Лучшій даръ природы всеблагой.
У нея, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтобъ съ улыбкой кроткой и торжественной
Свой конецъ безропотно встрѣчать.

* * *

СКУКА.

Страшнѣй, чѣмъ горе, эта скука,
Гдѣ ты, послѣдній тернъ вѣнца,
Освобождающая мука
Давно желаннаго конца?
Съ ея безсмысленнымъ мученьемъ,
Съ ея томительной игрой,
Невыносимымъ оскорбленьемъ
Вся жизнь мнѣ кажется порой.
Хочу простить ее, но знаю,
Уродства жизни не прощу,
И горечь слезъ моихъ глотаю,
И умираю и молчу.

НИРВАНА.

И вновь, какъ въ первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ страданья,
Какъ будто въ сердцѣ нѣтъ грѣха.
Не надо мнѣ любви и славы:
Въ молчаньи утреннихъ полей
Дышу, какъ дышатъ эти травы...
Ни прошлыхъ, ни грядущихъ дней
Я не хочу пытать и числить.
Я только чувствую опять,
Какое счастіе — не мыслить,
Какая нѣга не — желать!

ПРИРОДА.

Ни зломъ, ни враждою кровавой
Донынѣ затмить не могли
Мы неба чертогъ величавый
И прелесть цвѣтущей земли.

Насъ прежнею лаской встрѣчаютъ
Долины цвѣты и ручьи,
И звѣзды все также сіяютъ,
О томъ же поютъ соловьи.
Не вѣдаетъ нашей кручины
Могучій таинственный лѣсъ,
И нѣтъ ни единой морщины
На ясной лазури небесъ.

ПРИРОДА ГОВОРИТЪ.

Природа говоритъ мнѣ съ царственнымъ презрѣньемъ:
„Уйди, не нарушай гармоніи моей!
Твой плачъ мнѣ надоѣлъ; не оскорбляй мученьемъ
Спокойствія моихъ лазоревыхъ ночей.
Я все тебѣ дала: жизнь, молодость, свободу, —
Ты всё, ты всё отвергъ съ безсмысленной враждой,
И дерзкимъ ропотомъ ты оскорбилъ природу,
Ты мать свою забылъ — уйди, ты мнѣ чужой!
Иль мало для тебя на небѣ звѣздъ блестящихъ,
Нѣмого сумрака въ задумчивыхъ лѣсахъ,
И дикой красоты въ заоблачныхъ горахъ?
Я всё тебѣ дала, — а въ этомъ чудномъ мірѣ
Ты не сумѣлъ хоть разъ счастливымъ быть какъ всѣ:
Какъ счастливъ звѣрь въ лѣсу и ласточки въ эфирѣ,
И дремлющій цвѣтокъ въ серебряной росѣ.
Ты радость бытія сомнѣньемъ разрушаешь:
Уйди! ты гадокъ мнѣ, безсильный и больной...
Пытливымъ разумомъ и гордою душой
Ты счастья безъ меня ищи себѣ, какъ знаешь!“...

СѢЯТЕЛЬ.

Надъ холмами полосою
Побѣлѣлъ востокъ вдали,
Дышатъ сыростью ночною
Глыбы вспаханной земли.

Видишь, мѣрными шагами
Ходитъ сѣятель въ поляхъ.
Тишина, какъ въ Божьемъ храмѣ,
На землѣ и въ небесахъ.
Все кругомъ священнымъ страхомъ,
Какъ предъ таинствомъ, полно,
И руки покойнымъ взмахомъ
Разсѣваетъ онъ зерно.
И для труженника снова
Грудь земли родить должна
Жатву хлѣба золотого
Изъ погибшаго зерна.
Созидая жизнь изъ смерти,
Предъ лицомъ святыхъ небесъ,
О, молитесь же и вѣрьте:
Это чудо изъ чудесъ!

ИЗГНАННИКИ.

Есть радость въ томъ, чтобъ люди ненавидѣли,
Добро считали зломъ,
И мимо шли, и слезъ твоихъ не видѣли,
Назвавъ тебя врагомъ.
Есть радость въ томъ, чтобъ вѣчно быть изгнанникомъ,
И, какъ волна морей,
Какъ туча въ небѣ, одинокимъ странникомъ
И не имѣть друзей.
Прекрасна только жертва неизвѣстная:
Какъ тѣнь хочу пройти,
И сладостна да будетъ ноша крестная
Мнѣ на земномъ пути.

ПЕРЕДЪ ЗАРЕЙ.

Устремляя наши очи
На блѣднѣющій востокъ,
Дѣти скорби, дѣти ночи,
Ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ.

Мы невѣдомое чуемъ,
И съ надеждою въ сердцахъ,
Умирая, мы тоскуемъ
О несозданныхъ мірахъ.
Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Мы, какъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.
Погребенныхъ воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Пѣтуха ночное пѣнье,
Холодъ утра — это мы;
Наши гимны — наши стоны.
Мы для новой красоты
Нарушаемъ всѣ законы,
Преступаемъ всѣ черты.
Мы — соблазнъ неутоленныхъ,
Мы — посмѣшище людей,
Искра въ пеплѣ оскорбленныхъ
И потухшихъ алтарей.
Мы — надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ.
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ.

ЛЕДА.

I.

„Я — Леда, я — бѣлая Леда, я — мать красоты.
Я сонныя воды люблю и ночные цвѣты.
Каждый вечеръ, жена соблазненная,
Я ложусь у пруда, тамъ, гдѣ пахнетъ водой, —
Въ душной тьмѣ грозовой,
Вся преступная, вся обнаженная, —
Тамъ, гдѣ сырость, и нѣга и зной,
Тамъ, гдѣ пахнетъ водой и купавками,
Влажными, блѣдными травами,

И таинственнымъ иломъ въ пруду, —
Тамъ я жду.
Вся преступная, вся обнаженная,
Изнеможенная,
Въ сырость теплую, въ мягкія травы ложусь
И горю, и томлюсь.
Въ душной тьмѣ грозовой,
Тамъ гдѣ пахнетъ водой,
Жду — и въ страстномъ безсиліи,
Я блѣднѣе, прозрачнѣй сломанной лиліи.
Тамъ я жду, а въ пруду только звѣзды блестятъ,
И въ тиши камыши шелестятъ, шелестятъ.

II.

„Вотъ и крикъ и шумъ пронзительный,
Словно плескъ могучихъ рукъ:
Это — Лебедь ослѣпительный,
Бѣлый Лебедь — мой супругъ!
Съ грозной нѣжностью змѣиною,
Онъ, обвивъ меня, ласкалъ,
Тонкой шеей лебединою, —
Влажныхъ губъ моихъ искалъ...
Крылья воду бьютъ,
Грозенъ темный прудъ, —
На спинѣ его щетиною
Перья блѣдныя встаютъ, —
Такъ онъ гордъ своей побѣдою.
Гдѣ я, что со мной — на вѣдаю:
Это — смерть, но не боюсь.
Вся блѣднѣя,
Страстно млѣя,
Какъ въ ночной грозѣ лилея,
Ласкамъ бога предаюсь.
Гдѣ я, что со мной — не вѣдаю“.
Все покрыто тьмой,
Только надъ водой —
Бѣлый Лебедь съ бѣлой Ледою.

III.

И вотъ рождается Елена,
Съ невинной прелестью лица,
Но вся — коварство, вся — измѣна,
Бѣлѣе, чѣмъ морская пѣна, —
Изъ лебединаго яйца.
И слышенъ вопль Гекубы въ Троѣ
И Андромахи вѣчный стонъ,
Сразились боги и герои,
И палъ священный Иліонъ.
А ты, Елена, клятвы міра
И долгъ нарушивъ, — ты чиста.
Тебя прославитъ пѣснь Омира,
Затѣмъ, что вся надежда міра
Дочь бѣлой Леды — Красота.

* * *

Не думала ли ты, что блѣдный и безмолвный,
Я вновь къ тебѣ приду, какъ нищій, умолять,
Тобой отвергнутый, тобою вѣчно полный,
Чтобъ ты позволила у ногъ твоихъ рыдать?
Напрасная мечта! Слыхала ль ты порою,
Что въ милой праздности не всѣ, какъ ты, живутъ,
Что гдѣ-то есть борьба, и мысль, и честный трудъ,
И что предъ ними ты — ничто съ твоей красою?
Смотри — меня зоветъ огромный, свѣтлый міръ:
Есть у меня безсмертная природа,
И молодость, и гордая свобода,
И Рафаэль, и Данте, и Шекспиръ!
И думать ты могла, что я томиться буду,
Или у ногъ твоихъ безпомощно рыдать?
Нѣтъ, стыдно предъ тобой мнѣ слезы расточать, —
Забудь меня скорѣй, какъ я тебя забуду!
О неразумное, прелестное дитя,
Ты гнѣва моего, повѣрь, не заслужила, —

Но если бъ ты могла понять, какая сила
Была у ногъ твоихъ, когда со мной, шутя,
Играла ты въ любовь, и все потомъ разбила, —
Тогда лицо твое зардѣлось бы стыдомъ,
И надъ поруганной любовью, надъ мечтами,
Что ты разрушила своими же руками,
Не я, а ты въ отчаяніи нѣмомъ
Рыдала бы теперь горючими слезами.

ПРОКЛЯТІЕ ЛЮБВИ.

Съ усильемъ тяжкимъ и безплоднымъ
Я цѣпь любви хочу разбить.
О, если бъ вновь мнѣ быть свободнымъ,
О, если бъ могъ я не любить!
Душа полна стыда и страха,
Влачится въ прахѣ и крови.
Очисти душу мнѣ отъ праха,
Избавь, о Боже, отъ любви!
Ужель непобѣдима жалость?
Напрасно Бога я молю:
Все безнадежнѣе усталость,
Все безконечнѣе любовь.
И нѣтъ свободы, нѣтъ прощенья,
Мы всѣ рабами рождены.
Мы всѣ на смерть и на мученья,
И на любовь обречены.

З. ГИППІУСЪ
1867 г.

ПѢСНЯ.

Окно мое высоко надъ землею,
Высоко надъ землею.
Я вижу только небо съ вечернею зарею, —
Съ вечернею зарею.
И небо кажется пустымъ и бѣднымъ,
Такимъ пустымъ и блѣднымъ...
Оно не сжалится надъ сердцемъ бѣднымъ,
Надъ моимъ сердцемъ бѣднымъ.
Увы, въ печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю...
И это желаніе не знаю откуда
Пришло откуда,
Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
Чуда!
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ.
Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
Оно обѣщаетъ.
Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
О невѣрномъ обѣтѣ.
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ.

СОБЛАЗНЪ.

Великія мнѣ были искушенья
Я головы предъ ними не склонилъ.
Но есть соблазнъ... соблазнъ уединенья...
Его до нынѣ я не побѣдилъ.

Зоветъ меня лампада въ тѣсной кельѣ,
Многообразіе послѣдней тишины,
Блаженнаго молчанія веселье—
И нѣжное вниманье сатаны.
Онъ служитъ: то свѣтильникъ зажигаетъ,
То рясу мнѣ поправитъ на груди,
То спавшія мнѣ четки подымаетъ
И шепчетъ: „съ нами будь, не уходи!
Ужель ты одиночества не любишь?
Уединеніе—великій храмъ.
Съ людьми... ихъ не спасешь, себя погубишь,
А здѣсь, одинъ, ты равенъ будешь Намъ.
Ты будешь и не слышать, и не видѣть,
Съ тобою—только Мы, да тишина.
Вѣдь тотъ, кто любитъ, долженъ ненавидѣть,
А ненависть отъ насъ запрещена.
Давно тебѣ моя любезна нѣжность...
Мы вмѣстѣ, вмѣстѣ... и всегда одни;
Какъ сладостна спасенья безмятежность!
Какъ радостны лампадные огни“.

— — — — — — — — — — — — — — — — —

О, мука! О, любовь! О, искушенья!
Я головы предъ вами не склонилъ.
Но есть соблазнъ,—соблазнъ уединенья,
Его никто еще не побѣдилъ.

НЕСКОРБНОМУ УЧИТЕЛЮ.

Іисусъ, въ одеждѣ бѣлой,
Прости печаль мою!
Тебѣ я духъ несмѣлый
И тяжесть отдаю.
Іисусъ, дѣтей надежда!
Прости, что я скорблю!
Темна моя одежда,
Но я тебя люблю.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

Двѣ нити вмѣстѣ свиты,
Концы обнажены.
То „да“ и „нѣтъ“,—не слиты,
Не слиты—сплетены,
Ихъ темное сплетенье
И тѣсно и мертво.
Но ждетъ ихъ воскресенье,
И ждутъ они его.
Концовъ концы коснутся—
Другіе „да“ и „нѣтъ“,
И „да“ и „нѣтъ“ проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть ихъ будетъ свѣтъ.

КОНЕЦЪ.

Огонь подъ золою дышалъ незамѣтнѣй,
Послѣдняя искра, дрожа, угасала,
На небѣ весеннемъ заря догорала,
И былъ предъ тобою я все безотвѣтнѣй,
Я слушалъ безъ словъ, какъ любовь умирала.
Я вѣдалъ душой, навсегда покоренной,
Что словъ я твоихъ не постигну случайныхъ,
Какъ ты не поймешь моихъ радостей тайныхъ,
И, чуждая вѣчно всему, что бездонно,
Зари въ небесахъ не увидишь безкрайныхъ.
Мнѣ было не грустно, мнѣ было не больно,
Я думалъ о томъ, какъ ты много хотѣла,
И мало свершила, и мало посмѣла;
Я думалъ о томъ, какъ душѣ моей больно,
О томъ, что заря въ небесахъ догорѣла...

ЛЮБОВЬ — ОДНА.

Единый разъ вскипаетъ пѣной
И разсыпается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной,

Измѣны нѣтъ: любовь одна.
Мы негодуемъ, иль играемъ,
Иль лжемъ, — но въ сердцѣ тишина.
Мы никогда не измѣняемъ:
Душа одна — любовь одна.
Однообразно и пустынно
Однообразіемъ сильна,
Проходитъ жизнь... И въ жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.
Лишь въ неизмѣнномъ — безконечность,
Лишь въ постоянномъ глубина.
И дальше путь, и ближе вѣчность,
И все яснѣй: любовь одна.
Любви мы платимъ нашей кровью,
Но вѣрная душа — вѣрна,
И любимъ мы одной любовью...
Любовь одна, какъ смерть одна.

ПРОТЯЖНАЯ ПѢСНЯ.

Звени,
звени кольцо кандальное,
завейтесь въ цѣпи злые дни.
Тянись,
мой путь въ изгнанье дальнее,
гдѣ вихри блѣдные сплелись.
Въ полночь,
когда уснутъ вожатые,
безшумно отползу я прочь.
Собью,
собью кольцо проклятое,
переломлю судьбу мою.
Прими,
прими тайга жестокая,
меня, гонимаго людьми.
Сокрой,
укрой, ледяноокая,
морозной ризой, колкой мглой.

Бѣгутъ,
пути никѣмъ не слѣжены,
куда ведутъ? куда ведутъ?
Иди,
иди тайгой оснѣженной...
и будь, что будетъ, впереди.
Звѣзда,
звѣзда горитъ, — та самая,
которую любилъ всегда.
Гори,
гори межъ тучъ, звѣзда моя,
о вольной волѣ говори.
Поетъ
мнѣ вѣтеръ пѣсню смѣлую,
впередъ свободнаго, зоветъ,
Метель,
метель свиваетъ бѣлую,
свиваетъ вѣчную постель.
Любви,
любви тоску незримую
о Смерть, о Мать благослови.
Прильну,
склонюсь на грудь любимую,
и, вольный, вольно я усну.

ЦВѢТЫ НОЧИ.

О, ночному часу не вѣрьте!
Онъ исполненъ злой красоты.
Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,
Только странно живы цвѣты.
Темны, теплы тихія стѣны,
И давно каминъ безъ огня...
И я жду отъ цвѣтовъ измѣны, —
Ненавидятъ цвѣты меня.
Среди нихъ мнѣ жарко, тревожно,
Ароматъ ихъ душенъ и смѣлъ, —

Но уйти отъ нихъ невозможно,
Но нельзя избѣжать ихъ стрѣлъ.
Свѣтъ вечерній лучи бросаетъ,
Сквозь кровавый шелкъ на листы...
Тѣло нѣжное оживаетъ,
Пробудились злые цвѣты.
Съ ядовитаго арума мѣрно
Капли падаютъ на коверъ...
Все таинственно, все невѣрно...
И мнѣ тихій чудится споръ.
Шелестятъ, шевелятся, дышатъ,
Какъ враги за мною слѣдятъ.
Все, что думаю, — знаютъ, слышатъ,
И меня отравить хотятъ.
О, часу ночному не вѣрьте!
Берегитесь злой красоты.
Въ этотъ часъ мы всѣ близки къ смерти,
Только живы одни цвѣты.

ОНА.

Въ своей безсовѣстной и жалкой низости
Она, какъ пыль, сѣра, какъ прахъ земной.
И умираю я отъ этой близости,
Отъ неразрывности ея со мной.
Она шершава, она колюча,
Она холодна, она змѣя.
Меня изранила противно-жгучая
Ея колѣнчатая чешуя.
О, если бъ острое почуялъ жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха,
Такая тяжкая, такая вялая,
И нѣтъ къ ней доступа — она глуха.
Своими кольцами она, упорная,
Ко мнѣ ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа!

А. Н. ТОЛСТОЙ.
(1882 г.)

ЧАСЫ.

Въ старинномъ замкѣ скребутся мыши;
Въ старинномъ замкѣ, гдѣ много книгъ,
Гдѣ легкій шорохъ такъ чутко слышенъ;
Въ ливреѣ спитъ лакей старикъ.
Въ старинномъ замкѣ больна царевна.
Въ подушкахъ бѣлыхъ, прозрачнѣй льда...
И только слышно на башнѣ древней
Стучатъ часы: всегда... всегда...
А у камина сидятъ старушки
И что-то шепчутъ чего-то ждутъ,
Царевнѣ плечи томятъ подушки...
Часы стучатъ: мы тутъ... мы тутъ...
И смерть на башнѣ рукой костлявой,
Какъ минетъ время, о доску бьетъ,
И гулко въ сводахъ, и смѣхъ гнусавый
Изъ тьмы сырой дрожитъ, зоветъ...
Во время звона царевнѣ страшно:
Придетъ за ней нѣмой звонарь.
И снова тихо на древней башнѣ
Шагаетъ смерть прикрывъ фонарь.

БѢДА.

Помоги намъ, Пресвятая Троица!
Вся рѣка-Москва трупами кроется!
За стѣнами у мѣста у лобнаго
Залегло Годуновское логово.

Бирюки отъ безлюдья и голода
Завываютъ у Бѣлаго города;
Опускаются тучи къ Московію,
Проливаются сѣрой да кровію;
Засѣваются нивы подъ хлябями
Черепами, суставами рабьими...
Загудѣло по селамъ и по степи
Отъ желѣзной невидимой поступи,
Разступилось нагорье Печерское;
Породились зародыши мерзкіе...
И бѣжала въ лѣса буераками
Отъ сохи черносошная земщина...
И поднялась на небѣ отъ Кракова
Огнехвостая, мертвая женщина...
Кто отъ смертнаго смрада сокроется?
Помоги намъ, Пресвѣтлая Троица!

СУДЪ.

Какъ лежу я молодецъ подъ Сарынь-горою,
А ногами рѣзвыми у Усы-рѣки...
Придавили груди мнѣ крышкой гробовою,
Заковали рученьки въ мѣдные замки.
По самой полночи приползаютъ змѣи,
Припадаютъ къ вѣкамъ и сосутъ до дня...
А и землю-матушку я просить не смѣю —
Отогнать змѣенышей и принять меня.
Лишь тогда, какъ изстари, отъ Москвы-Престольной
До Дуная синяго грянетъ мой ясакъ —
Поднимусь я, старчище, вольный иль невольный
И пойду по водамъ я матерой казакъ...
И два змѣя длинные къ вѣкамъ присосутся
И за мной потянутся черной полосой;
Высоко надъ рѣками города займутся...
И година черная будетъ мнѣ сестрой.
Пронесутся знаменья красными столпами,
По землѣ протянется огневая вервь;

И придутъ Алаписы съ песьими главами,
И въ поляхъ младенчики поползутъ, какъ червь.
Задымятся кровію всѣ лѣса и рѣки;
На проклятыхъ торжищахъ сотворится блудъ...
Мнѣ тогда змѣеныши приподнимутъ вѣки,
И узнаютъ Разина... И настанетъ Судъ.

СОДЕРЖАНІЕ.